

Е. Г. Неклюдов, М. И. Роднов

**НАСЛЕДСТВО ИВАНА ЕВДОКИМОВИЧА ДЕМИДОВА:
УФИМСКАЯ УСАДЬБА И КАГИНСКИЕ ЗАВОДЫ**

doi: 10.30759/1728-9718-2024-2(83)-146-156

УДК 94(470.5)“18” ББК 63.3(235.55)52

В статье на основе делопроизводственной документации горных и гражданских учреждений центрального и регионального уровней прослеживается драматическая история, связанная с наследством владельца Кагинских заводов на Урале Ивана Евдокимовича Демидова (?–1823). Он принадлежал к младшей ветви известного предпринимательского рода, идущей от Никиты Никитича Демидова, и отличался от других представителей рода тем, что проживал не в столице, а вблизи своих заводов в провинциальной Уфе. Составленная после кончины бездетного владельца опись имущества городской усадьбы дает представление о повседневной жизни заводчика и его жены, свидетельствует об их состоянии, занятиях и увлечениях. Арестованное за долги городское имущество и взятые в опеку заводы Демидова стали объектом притязаний его многочисленных наследников — братьев, их детей и даже внуков. Часть движимого имущества городской усадьбы была распродана на аукционе в Уфе; остальное, видимо, хранилось в оставшемся непроданным и пустовавшем долгие годы демидовском доме. Незавидной оказалась и судьба заводской части наследства. Не сумев договориться о совместном управлении, несколько наследников в 1830 г. продали свои доли владения А. И. Пашкову. Однако эта сделка вскоре была признана незаконной, и вместо хозяйского учредили казенное управление, продлившееся до 1855 г., когда Кагинские заводы также были проданы на публичных торгах.

Ключевые слова: *Урал, первая половина XIX в., Демидовы, Кагинские заводы, городская усадьба, опись имущества*

Иван Евдокимович Демидов был представителем четвертого поколения известного рода российских горнозаводчиков и принадлежал к его младшей ветви, идущей от Никиты Никитича Демидова. Его отцу — Евдокиму Никитичу (1713/15–1782) — по наследству достались металлургические предприятия под Калугой, но, не ограничившись этим, в 1760 г. он самостоятельно приобрел на Южном Урале два Авзяно-Петровских завода, рядом с которыми основал Кагинский и Узьянский заводы и стал одним из тех владельцев, которые создали в перспективном регионе собственную «горную империю».¹ Однако, как и многие другие, она просуществовала недолго и уже при переходе к следующему поколению владельцев

раздробилась на части между его сыновьями. Объединенные в одну наследственную группу Кагинский и Узьянский заводы, способные действовать как самостоятельный заводский комплекс, в 1783 г. оказались в совместном владении двух сыновей, а после покупки части брата за значительную сумму в 120 тыс. руб. — в единоличном владении Ивана Евдокимовича.²

Об этом представителе демидовского рода известно очень немного. Он был вторым ребенком в многодетной семье, родившимся, видимо, не позднее 1747 г.³ Биограф рода К. Д. Головщиков предполагал, что Демидов нигде не служил, поскольку во всех документах его называют только дворянином, без указания чина.⁴ Местные предания гласят, что Иван Евдокимович еще при жизни отца поселился в Уфе и проживал там в городской усадьбе, возведенной около 1770 г. и состоявшей из целого комплекса деревянных и каменных построек.⁵

¹ См.: Неклюдов Е. Г. Наследники и наследство: формы передачи горных заводов при смене поколений рода Демидовых в XVIII — начале XX в. // Уральский исторический вестник. 2017. № 1 (54). С. 40–49.

Неклюдов Евгений Георгиевич — д.и.н., г.н.с. Центра экономической истории, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: ntplant9@mail.ru

Роднов Михаил Игоревич — д.и.н., в.н.с. отдела истории и истории культуры, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (г. Уфа)
E-mail: rodnov@ufacom.ru

² См.: Головщиков К. Д. Род дворян Демидовых. Ярославль, 1881. С. 220; Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII в. Заводы и заводовладельцы. М., 1962. С. 111–113.

³ См.: Краснова Е. И. Такие разные Демидовы. СПб., 2007. С. 124.

⁴ См.: Головщиков К. Д. Указ. соч. С. 220.

⁵ Подробнее см.: Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Истории южно-уральских горных заводов XVIII–XIX вв. Уфа, 1985. Ч. 2. С. 31–36; Роднов М. И. Суворов и Уфа // Суворовский биеннале. СПб., 2018. С. 187–196.

Утверждается, что в этих «Демидовских палатах» останавливался А. В. Суворов, который был в свойстве с хозяином (сестра Ивана Евдокимовича, Олимпиада, была замужем за бригадиром Ф. А. Суворовым, двоюродным братом знаменитого полководца⁶). Хотя город располагался в 200 верстах от заводов, именно там до 1781 г. действовало Оренбургское горное начальство — орган регионального управления горнозаводской промышленности, с которым заводовладельцу было удобнее контактировать, проживая рядом. Кроме того, «железные караваны», отправлявшиеся с Кагинских заводов по реке Белой, оказывались под наблюдением владельца, когда останавливались в Уфе.

Как свидетельствовал современник, на рубеже веков хозяин довольно часто посещал свои предприятия, где в лучшие годы выплавлялось до 80–100 тыс. пуд. чугуна и выделывалось до 70 тыс. пуд. железа.⁷ По ревизии 1816 г., на обоих заводах числилось 208 душ казенных неперемных работников (они появились здесь в начале века вместо приписных крестьян) и 772 души крепостных.⁸ По сравнению с другими уральскими металлургическими комплексами Кагинские заводы были маломощным хозяйством. Они пользовались арендованной у башкир землей и относились к группе посессионных предприятий.

Скупые архивные свидетельства указывают на то, что в последние годы жизни владельца заводоуправление было отдано в руки крепостных служащих, видимо, злоупотреблявших доверием престарелого хозяина. Исправник сообщал, что Демидов «теми своими заводами управлял сам, чрез приказчиков своих заводских крестьян Василия Щербатова, Дмитрия Козьмина и конторщиков Николая Козьмина и Семена Абрамова без данных им от него законных доверенностей, по партикулярно его к ним одним присылаемым чрез почту письмам и запискам». Семью же самого заводчика в его уфимской усадьбе обслуживали 40 дворовых.⁹

Судя по динамике производства в первое двадцатилетие XIX в., демидовские заводы действовали нестабильно, что было вызвано недостатком рудников, вспомогательных работников и финансов. Положение усугубилось после пожара на Кагинском заводе в 1821 г.

Как сообщал владелец, на восстановление предприятия и поддержку населения он потратил весь свой капитал.¹⁰ Иван Евдокимович предполагал даже заложить крепостных в Московском опекунском совете, но не успел этого сделать, поскольку 12 ноября 1823 г., «в пятом часу пополудни», умер в своем уфимском доме в довольно преклонном возрасте.

Транзит владения осложнился тем, что брак Демидова с уфимской дворянкой Аграфеной Семеновной Дмитриевой был бездетным. Поэтому, как сообщал прибывший на заводы исправник, «ни детей и ниже каких-либо других родственников, кроме одной жены... при нем не оказалось и есть ли где они... неизвестно».¹¹ В такой ситуации горные власти распорядились учредить опеку «сколько для обеспечения... продовольствия рабочих людей по оказавшемуся в том недостатку, столько и потому, что без сей меры должны бы были оставаться оные <заводы> без присмотра и хозяйственного по производству их распоряжения, ибо в них никого из наследников... тогда не находилось, да и кто они такие... было неизвестно».¹² Однако четыре кандидата на должность опекуна, последовательно назначаемые Оренбургской дворянской опекой, от такой обременительной обязанности отказались «за болезненными припадками». Поэтому опека, временно учрежденная «до признания законных наследников», существовала только на бумаге.¹³

Итогом образовавшегося безвластия стали вполне прогнозируемые последствия. В марте 1824 г. главная контора в Кагинском заводе была разграблена и сожжена, а «рабочие люди вышли из повиновения и отреклись от работ».¹⁴ Приехавший туда через год племянник бывшего владельца Н. В. Демидов нашел заводы «в совершенном запущении, без чугуна, без припасов, без угля и без руды». По его свидетельству, это было следствием не только отсутствия хозяйского присмотра, но и «несведения в заводском деле приказчика Василия Щербатова, а паче от беспросыпного его пьянства». «Как по сему, так и за многие открытые мною его неблагоприятные поступки и подозрения, на него падающие в самом даже сожжении заводской конторы, — писал племянник, — я его от должности отрешил,

⁶ См.: Краснова Е. И. Указ. соч. С. 124.

⁷ См.: Головшиков К. Д. Указ. соч. С. 221, 222; Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. С. 40–43.

⁸ См.: Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. С. 47.

⁹ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5280. Л. 4.

¹⁰ См.: Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. С. 47, 48.

¹¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5280. Л. 3.

¹² Там же. Л. 132.

¹³ См.: Там же. Л. 91–92.

¹⁴ Там же. Л. 62.

поручив управление заводами отставному унтер-шихтмейстеру первого класса Жукову».¹⁵ В дополнение к этим бедам на Нижегородской ярмарке в том году продажа железа Кагинских заводов оказалась «стеснена полицейским надзором до такой степени, что оно продано было меньше, нежели за половинную цену». По подсчетам наследников, это принесло до 100 тыс. руб. убытка.¹⁶

Одновременно в Уфимский уездный суд поступили от разных лиц долговые претензии к умершему заводчику на сумму 67,5 тыс. руб., в обеспечение которых полиции было предписано описать находившееся в городе имущество и взять его под свой контроль. Если объявившиеся наследники «не уплатят оные <долги> деньгами», предполагалось «удовлетворить их через продажу движимого имущества».¹⁷

Кто же мог претендовать на наследство заводчика? По закону, 1/4 часть движимого и 1/7 часть недвижимого имущества должны были перейти вдове, а остальное состояние при отсутствии детей делилось между ближайшими родственниками наследодателя в зависимости от степени родства.

Как сообщали горные власти, наследники, «находясь в разных местах, узнав о кончине их родственника, каждый отправили прошение в надлежащие присутственные места» о своих претензиях на имущество. Это были два родных брата владельца — генерал-майор Григорий Евдокимович и бригадир Аммос Евдокимович, сын уже умершего Василия Евдокимовича — статский советник Никита Васильевич и внучка полковница Екатерина Михайловна Хомутова (единственная дочь умершего Михаила Васильевича, жена М. Г. Хомутова, впоследствии ставшего генералом от кавалерии, наказным атаманом Войска Донского, членом Государственного Совета), а также дети тоже умершего Петра Евдокимовича — коллежский советник Дмитрий, действительный статский советник Николай, корнет Владимир и поручик Петр. Кроме кровных родственников, просила считать ее наследницей и 55-летняя вдова Аграфена Семеновна.¹⁸

После затянувшихся до апреля 1825 г. разбирательств наследниками были признаны все девять претендентов. По закону они получили право «разделиться между собой в двухгодич-

ный срок полюбовно», а если не договорятся, то могли просить суд осуществить раздел наследства «на основании действующих правил». Как сообщал Н. В. Демидов, из всех наследников проявивший наибольшую активность, они «вошли в переписку между собой об устройении управления и самого раздела» и согласились заводы продать, а деньги, вырученные от продажи железа на Нижегородской ярмарке, «доставить в Московский опекунский совет или Коммерческий банк... и распределить оные на удовлетворение всех заводских потребностей и на погашение долгов».¹⁹

Видимо, Никита Васильевич был и автором объявления, подтверждающего это намерение. «Продаются покойного дворянина Ивана Евдокимовича Демидова Кагинский и Узьянский железоделаемые заводы, состоящие Оренбургской губернии в Верхнеуральском уезде», — сообщалось там. Образно описав природные условия, которые благоприятствовали развитию металлургии в крае, автор заверял, что «всё это при первом обзоре сих заводов тотчас подтвердится, как равно откроются и прочие подробности, для покупателя необходимые, а для продавцов полезные, яко долженствующие возвысить выгодность заводов». Потому он приглашал желающих обращаться «в городе Уфе в заводскую контору», располагавшуюся, скорее всего, в усадьбе бывшего владельца, а также по месту жительства наследников в Санкт-Петербург, Москву, Кременчуг и Царское Село.²⁰

В отношении же уфимского домашнего имущества еще в июне 1824 г. от того же Н. В. Демидова было подано прошение царю, которое проясняет первоначальные планы претендентов на эту часть наследства. «После умершаго в городе Уфе... дворянина Ивана Евдокимова сына Демидова, — записано там, — остались разные движимые и недвижимые имения; из которых, первые, в разных бриллиантовых вещах, серебре, мехах, библиотеке и прочем состоящие и находившиеся в его... уфимском доме, при смерти его описаны и запечатаны предводителем дворянства, советником и уфимским полициймейстером. А как сия движимость должна быть разделена между нами... то не иначе можно сие учинить, как продажею оной». Но поскольку в Уфе, как полагали наследники, «по неимению достаточного числа покупателей, таковой продажи с желаемым

¹⁵ Там же. Л. 4, 164.

¹⁶ Там же. Л. 120–121.

¹⁷ Там же. Л. 144–145.

¹⁸ См.: Там же. Л. 22, 62, 144.

¹⁹ Там же. Л. 63.

²⁰ См.: РГАДА. Ф. 1267. Оп. 6. Д. 235. Л. 1.

успехом произвести невозможно», то они «с общего... согласия положили: всю упомянутую движимость перевести в Москву и там распродать оную узаконенным порядком».²¹

Вместе с тем наследники были проинформированы, видимо, кем-то из присутствовавших в доме чиновников о том, что «при описи и запечатании упоминаемой движимости, были в виду... и еще многие вещи, как то: жемчуги, бриллиантовые запонки, большой соли-тер, сто червонцев и прочия, находившиеся в особом собственном умершаго... кабинете», но по неизвестной причине в опись не включенные. Они просили, «буде на непринадлежность оных наследникам дворянина Ивана Демидова письменных доказательств не окажется, то, не приемля никаких голословных показаний, приобщить все оныя к прочей движимости и отправить всё вместе в Москву на выше прописанном положении».²²

Как уже упоминалось, после утверждения наследников на заводы из Москвы прибыл Н. В. Демидов, получив доверенность на управление от большинства из них (Григория Евдокимовича, Аммоса Евдокимовича, Владимира Петровича и Екатерины Михайловны, вместе с Никитой Васильевичем имевших право, как они считали, на 13/16 частей имения). Уездный суд отменил опеку и известил об этом региональные власти. Почувствовав себя хозяином, Никита Васильевич приступил к наведению порядка и, как сам писал, не только уволил бывшего приказчика, но и «улучшил состояние крепостных заводских людей прибавкою платы за работы и отпуском безденежно хлеба на детей их», остановил вычет долгов рабочих и, взяв вместе с дядей Григорием Евдокимовичем в ссуду 44 тыс. руб., стал выдавать им заработную плату «сполна и наличными деньгами». Для «улучшения заводского действия» он приказал «доменные горны устроить посредством унтер-шихтмейстера Коротина» по образцу имеющих на Златоустовских заводах, «по многим частям переделать молотовые машины», для рубки дров нанять «вольных людей» и «приискывать вновь рудники». При этом, сообщал он, «не получая... ни одной еще копейки доходу... положили, мы, наследники, и сего <1825> года оным не пользоваться, а всю сумму денег, имеющую выручиться за железо, обратить един-

ственно на пользу и улучшение заводов».²³ Личные же долги заводчика предполагалось погашать за счет продажи городского имущества. «Движимость покойного Ивана Евдокимовича, — уверял он, — более нежели достаточно удовлетворить оные, и мы, наследники, именно того желаем».²⁴

Однако, к его крайнему удивлению, губернское начальство выступило против восстановленного хозяйского управления. Оказывается, поводом к этому стали жалобы в Сенат вдовы, лишенной, как она утверждала, «всякого содержания». Действительно, создается впечатление, что родственники при решении наследственных дел совсем забыли об Аграфене Семеновне. По их расчетам, имущество делилось только на четыре наследственные части по числу двух живых и наследников двух умерших братьев Ивана Евдокимовича. При этом имущество уфимского дома находилось под арестом из-за выявившихся долгов и им невозможно было пользоваться, а доходы от продажи железа расходовались на заводские нужды и не поступали владельцам. Видя такое отношение к себе «столичных родственников», вдова и подала на них жалобу.

Вероятнее всего, эти родственники действовали без согласия вдовы, поскольку полагали, что она еще до описи и ареста присвоила часть домашнего имущества. Намек на это был сделан ими еще в цитируемом выше прошении 1824 г. Из рапорта Уфимского уездного суда в мае 1825 г. следует, что к этому времени некоторые из наследников уже открыто «выдвинули претензию, что при первоначальной описи движимого покойного имения женою взяты некоторые вещи, о чем... производится судом следствие». Эти претензии простирались более чем на 100 тыс. руб., что, по мнению наследников, превышало причитающуюся ей вдовью часть наследства.²⁵

Хотя следствие еще не было завершено, в октябре 1825 г. Оренбургская палата гражданского суда распорядилась «о скорейшем выделе вдове указной части» и устранении Никиты Васильевича от управления, хотя и признавала, что он «оказал довольно опытности и познаний в заводских упражнениях и сделал к пользе крестьян некоторые уже пожертвования».²⁶

²³ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5280. Л. 164–165.

²⁴ Там же. Л. 164.

²⁵ См.: Там же. Л. 144; Д. 4840. Л. 8–19.

²⁶ Там же. Д. 5280. Л. 210об.

²¹ НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 570. Л. 34, 34об.

²² Там же.

Пререкания наследников и властей продолжались еще два года. За это время не только от вдовы, но и от нескольких наследников, не выказавших доверия Н. В. Демидову и не участвовавших в договоренностях, были поданы претензии на то, что за время своего управления он не делился с ними доходами. При таких обстоятельствах в январе 1827 г. Сенат предписал немедленно восстановить опеку (опекун на этот раз нашелся: им стал подполковник Тимашев), а Демидова «тотчас от всякого участия устранить», поручить надзор за заводами Пермскому горному правлению и «не прекращать сего надзора, доколе не последует между наследниками раздела». Более того, на долю заводских доходов, полученных за время управления Демидова, были отнесены претензии наследников, которые в случае недостатка этих денег могли быть удовлетворены даже «из прочего его имения».²⁷ Видимо, не вынеся такого огорчения, в августе 1827 г. Никита Васильевич скончался в Москве в возрасте 57 лет, оставив жену и пятерых детей, которые вместо него вошли в состав владельцев.²⁸ В том же году вступили в наследство после умершего годом ранее Г. Е. Демидова его вдова и двое детей (возможно, только один сын, поскольку дочь была уже замужем).²⁹

К денежным спорам между самими владельцами добавились и долговые взыскания, «поступившие от многих лиц на Григория, Никиту и Дмитрия Демидовых», которые «подлежали разрешению судебных мест».³⁰ Поэтому постановление Сената о скорейшем разделе наследства осталось неисполненным до 1830 г., когда появились новые обстоятельства, еще более усложнившие это дело.

Но к тому времени сдвинулось с места дело о городском имуществе И. Е. Демидова. Еще в 1826 г., когда уфимский полицеймейстер Лосенков передавал дела частному приставу Петровскому, была составлена полная опись этого имущества, отдельным разделом включившая и «вещи, доставленные от вдовы». Всего в нее вошли 529 наименований.³¹ Как и предполагалось, суд постановил взыскать долги Ивана Евдокимовича «через распродажу из описанного в городе Уфе движимого и недвижимого имения за выделом из последнего

жене узаконенной части, равно и библиотеку в Кагинском заводе, а недостающую сумму взять в опеку».³²

В опись вошли «дом деревянный в Казанской улице состоящий с принадлежащим к нему строением с каменной кухней, под оной подвал» (оценен в 8 тыс. руб.), «пустопорожнее место» напротив дома (200 руб.), тоже «пустопорожнее погоревшее место» в Голубиной слободке, «на коем каменной подвал и одна изба» (700 руб.) и «казармы подле Казачьей станицы с принадлежащим к ним строением» (300 руб.); всего недвижимости на сумму 9,2 тыс. руб.

Движимое имущество заводчика включало большое количество драгоценных предметов: несколько ниток жемчуга, золотые перстни — «разноцветной, осыпанной бриллиантами», «акомариновый», бюрюзовый восьмиугольный и такой же круглый, золотые аквамаариновые и с эмалью запонки, «амантистовую нитку с 15-ю камнями», бриллиантовые серьги «сяхонтами», цепочки «червонного золота», золотую же черепаховую гребенку, две «галстушные» и одну «лифную» пряжки, табакерки (одна — «осыпанная раковинами и улитками», другая — «с амалью»), дорогие (1 тыс. руб.) золотые «эликотные» часы (работы знаменитого английского часовщика Дж. Элликотта) и другие карманные часы «с репетициею» (с боем), серебряные «репетильные и грезонтальные... с ключиком», печати — «переликтоваго камня с гербовою вырескою и имя Н. Д.», «томпазовую с вензелем Н. Д.» (вероятно, с инициалами деда Никиты Демидова) и «томпазовую... гербовую в золотой оправе». Правда, упомянутые наследниками в прошении двухлетней давности бриллиантовые запонки, большой солитер и сто червонцев в описи так и не появились.

Значительным был набор дорогого столового серебра (более 320 предметов), включавший подносы, соусники, «все иностранного золотистаго серебра», чаши, сахарницы, масленицы, молочники, кофейник и чайник «внутри вызолоченной с деревянною ручкою», чарки, ковши, включая один «большой жалованный с гербом», хрустальные графины в серебряной оправе, столовые приборы, солонку, «вызолоченную с чеканом наподобие виноградного листа», «ситичько с позолотою внутри» и даже «рыбную лопаточку». Фарфоровая посуда была представлена многочисленными чайными чашками «с портретом Государя Императора»,

²⁷ Там же. Д. 4840. Л. 8–19.

²⁸ См.: Там же. Д. 5280. Л. 407.

²⁹ См.: Краснова Е. И. Указ. соч. С. 124, 128.

³⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 4840. Л. 8–19.

³¹ НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 570. Л. 278–292об.

³² ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5280. Л. 305об.

«с золотыми звездочками», с изображением птиц, «на ношках с голубыми цветами» и пр. Многие из них были «без ручки и край вышиблен» или «с трещиною». Единственный цельный фаянсовый чайный сервиз состоял из 16 предметов. Имелись также 59 хрустальных бокалов, 11 «квасных» и шесть «водошных» графинов, рюмки и стаканы. Посуда была представлена также многочисленными блюдами «для кампота», стаканчиками для мороженого и пр. предметами из фарфора, синего и белого фаянса, говорящих о меню хозяйского стола. В описи значились также оловянная (весом 4 пуда и 6 фунтов) и медная (8 пудов 17 фунтов) посуда, а также три самовара и 17 кастрюль. Обилие столовых предметов и их состояние свидетельствуют о традиционном гостеприимстве хозяев. Об этом же говорит и упоминание в описи семи дорогих скатертей и множества белых и цветных салфеток.

Перечень описанной мебели показывает типичную для провинциальных дворян обстановку сравнительно небольшого господского дома и позволяет представить фрагменты повседневной жизни заводчика и его жены. Вещи хранились в нарядных шкафах из карельской березы и комодах красного дерева. Шкаф для посуды был сделан из «ильмавого дерева» (вяза). Столиком для письма из красного дерева, вероятно, пользовалась хозяйка, а таковыми же двумя конторками — хозяин, ведущий переписку с заводскими приказчиками. Вместе с гостями за тремя ломберными столами супруги отдыхали за карточной игрой. В большой компании было удобно общаться, сидя на диване, 12 березовых «под красное дерево» креслах или на канопе «простого дерева», угощаясь за небольшим десертным столиком. Видимо, на многих гостей был рассчитан стол из сосны «с откидными полами». Стены украшали три больших зеркала в рамах из красного дерева и одно круглое «под золотом», а также часы «медные с колокольчиками» и «деревянные столовые под золотом». Освещались комнаты шандалами (подсвечниками) — большими и «низкими», бронзовыми и медными, а огонь гасился серебряным колпачком. Свидетельством верноподданнических чувств хозяев дома являлись 20 картин «царской фамилии на холсте писанные и к ним семь вызлощенных рам». Кроме них стены украшали девять эстампов и пять «картин на железе» (такие «картины» в те годы изготавливались, например, на Нижнетагильских

заводах Николая Никитича Демидова, кузена Ивана Евдокимовича). Имелись также характерные для православных семей пять «образов на дереве писанных» и 10 «разных мелких». Неоцененным (видимо, из-за недостатка опыта оценщиков) остался в описи «образ Рафаиловской живописи Пресвятыя Богородицы малинкой на доске» (видимо, он был исполнен в традициях европейского Возрождения).

Владельцы дома имели музыкальные страсти, о чем свидетельствуют включенные в опись и, видимо, давно не обновлявшиеся инструменты и устройства: «баульчик с музыкой», «гармония», «орган красного дерева изломанной», а также «испорченное» фортепиано красного дерева, обожженное «с одного боку». Вероятно, в прежние годы хозяйка играла на этих инструментах, довольно редких для далекой уральской провинции и хранимых даже в поврежденном виде.

Некоторые предметы свидетельствуют о привычках и личных интересах уже немолодого хозяина дома. У него были две больших и одна малая курительные трубки — пеньковые, оправленные серебром и вызлощенные, пара «ентарных» мундштуков и один стеклянный. Об увлечении охотой свидетельствуют два ружья и два медных «мушкатанта» (короткие ружья). О поездках говорят шкатулка красного дерева «с дорожным полным туалетом» и «дорожный бритвенник с семью бритвами». Имелась «книшка записная с карандашом вызлощенная», перочинные ножики в «роговой» и «черепаховой» оправе, очки в футляре, лорнет «с двумя стеклами», свидетельствующие о письменных занятиях владельца. Его научные интересы отразились в наличии «готовальни с прибором», компаса, «ящика с типографией», «зрительной медной трубки», «митроскопа в футляре красного дерева». Особенно выделяется нумизматическая коллекция. Она состояла из «больших, средних, малых и маленьких» серебряных медалей (221 шт.), оцененных в 1 945,65 руб., и одной золотой медали (192 руб.), 14 серебряных талеров, четырех «татарских мелких монет», 30 «червонцов разных владений», 28 «малиньких» золотых и 50 российских серебряных монет. Общая и довольно точная оценка коллекции составляла немалую сумму в 2 685,7 руб., что, скорее всего, свидетельствует о наличии каталога, которым пользовались оценщики.

В опись была включена также пара «аполетов, принадлежащих горной части». Поскольку

нет сведений о том, что Иван Евдокимович имел чин, остается предположить, что эполеты достались ему от деда Никиты Никитича, который одно время служил в Берг-Коллегии. Мундиром же «темно-зеленого сукна», вероятно, мог пользоваться и сам хозяин, который, как представитель местного дворянского общества, должен был исполнять некоторые сословные обязанности, например почетного опекуна.

Значительным был перечень разнообразной повседневной одежды. В описи упомянуты семь кафтанов разных цветов, три сюртука, камзол «шелковый с подбоем бухарской выбойки», два хивинских халата, шинель «темного сукна с подбоем» и плащ «с одной стороны синей, с другой алой». Самой дорогой (400 руб.) была соболья шуба, «крытая малиновым бархатом виницейским». Несколько шуб и бекешей (полущубков) из меха куницы и лисицы были покрыты бархатом или сукном, а тулуп «на калмыцком меху» — «узорчатым атласом». Одна из лисьих шуб была «поношена и очень молью поеденная», как и многие другие меха. Зимние шапки — бобровая, лисья и кунья — тоже все были «побиты молью». Необычным выглядит наличие «мускерадной домино с подбоем белым» (накидка с капюшоном), свидетельствующей об участии Демидовых в развлечениях местного дворянства. Большое количество описанных тканей в основном восточной выделки (персидские, китайские, турецкие) говорит о хозяйственности Аграфены Семеновны.

Как потомственным дворянам, Демидовым полагалось иметь карету. В опись включены две английские кареты: дорогая четырехместная за 1 тыс. руб. и летняя двухместная «оранжевой краски» за 400 руб. с четырьмя стеклами, из которых одно было разбито. Из летних экипажей имелись также «линия» (линейка), четверо дрожек на рессорах и одни «без рессор простые разъездные», а также две кибитки без рессор. Зимний парк составляли четырехместный возок «осиноваго цвета» (зеленовато-серый), оцененный в 600 руб., и четверо саней, обитых сукном и кожей. «Самая ветхая», по отметке составителей, конная сбруя свидетельствует о том, что, несмотря на многочисленные транспортные средства, пожилые супруги в последние годы выезжали нечасто.

Общая оценка вошедшего в наиболее полную опись 1826 г. движимого и недвижимого имущества составила 41 164 руб. В мае 1829 г.

губернское правление предписало организовать «аукционный и публичный торг». При чем он должен был пройти в Уфе, а не в Москве, как желали наследники, что, конечно, не могло не повлиять на его итоги. В список вошло 395 номинаций, включая и деревянный дом владельца; отсутствовавшие 134 объекта, видимо, составили «выдел» Аграфены Семеновны, который был осуществлен накануне. После этого предварительная оценка имущества сократилась до 33 175 руб.³³ В источниках упоминается, что к продаже была «присовокуплена» и библиотека, однако книги в описи не значились. Известно лишь, что из состава демидовского собрания 22 рукописи церковного содержания были переданы в Оренбургскую духовную консисторию. Они имели нумерацию, которая отражает их место в общей книжной коллекции Ивана Евдокимовича, состоявшей из нескольких сотен томов (наибольший номер этих рукописей — 174).³⁴ Под № 46 там была записана единственная обнаруженная археографами в Уфе рукопись «Похвальное слово» М. В. Ломоносова, на которой была сделана надпись «Из библиотеки Евдокима Демидова» с пометкой «Переписано Иваном Демидовым».³⁵

Участниками прошедших в июле торгов стали уфимские купцы и чиновники, портной и даже дворовые люди. Так, первый лот — «жемчугу крупного 98 зерен», — по описи оцененный в 600 руб., начал торговаться со 140 руб. В итоге за 220 руб. его приобрел купец Огородников. Ему же за 335 руб. достался «перстень разноцветной, осыпанной бриллиантами» (переоцененный с 500 до 185 руб.). Золотую запонку с эмалью за 5,25 руб. купил подпоручик Маркевич, нитку аметистов приобрел титулярный советник Бардовский за 53 руб., коллекцию из восьми аметистов — купец Алексей Бочаров за 32 руб.³⁶

Вызвали интерес не только драгоценности, но и предметы домашней утвари. Так, купеческий сын Михайла Попов купил «пряжки башмачные золотые с подпряжниками и стальными клеймами Х.С.М.» за 100 руб., чайник (40,5 руб.), позолоченный молочник (31 руб.), сахарницу (53,5 руб.), «тиски для орехов», штопор, «тиски для ногтей» (все за 7 руб.), «зерка-

³³ См.: ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 5280. Л. 515, 671–700об.

³⁴ См.: НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 570. Л. 709, 709об.

³⁵ Андреев Я. Автограф Ивана Демидова // Уральский следопыт. 1986. № 10. С. 62.

³⁶ См.: НА РБ. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 570. Л. 672об., 673.

ло в красном дереве изломанное» (1,35 руб.) и шесть чернобурых лисиц (3 руб.). Иконы, у которых оказались «попорченные изображения», были проданы дворовому человеку Алексею Густову за 10 руб. Вся выручка аукциона составила 19 616 руб.³⁷ По условиям торгов, она поступила «за состоящее на нем, Демидове, разным кредиторам и казне одолжение», явно не покрывая его полностью.

Оставшееся имущество, видимо, сохранялось в непроданном доме заводчика еще много лет под надзором местной полиции, следившей «за целостью замка и печати». Имеются сведения о том, что в 1836 г. обнаружилась пропажа части вещей (например, «золотой» — скорее всего, позолоченный — чайник был заменен медным). Два опрошенных тогда пристава сваливали «беспорядки» друг на друга и не могли понять, каким образом «исчезли некоторые вещи». В 1839 г. губернское правление предложило провести второй аукцион и «вырученные деньги включить в сумму, следующую на уплату долгов Демидова». Однако даже через три года ни от наследников, ни от дворянской опеки «донесений не имелось».³⁸ Это, скорее всего, свидетельствует о том, что новых торгов так и не сумели организовать до общей продажи всего имения.

Но прежде чем это произошло, случились события, еще более запутавшие дело о наследстве И. Е. Демидова. В феврале 1830 г. Дмитрий Петрович по доверенности от Аммоса Евдокимовича (он вскоре, 13 июня, умер, будучи бездетным), Владимира Петровича и Екатерины Михайловны совершил «запись на продажу» принадлежавших им долей владения соседу по имению, владельцу Белорецких заводов генерал-майору Андрею Ивановичу Пашкову. В мае то же самое предприняли Петр Петрович и Николай Петрович, причем, «вместе с частью своей в доме в городе Уфе».³⁹ Судя по озвученным суммам, все имение было оценено в 400 тыс. руб., из которых владельцы получили лишь небольшой задаток.

В сделке не участвовали наследники Григория Евдокимовича и Никиты Васильевича, с которыми родственники, видимо, не соглашывали свои действия. Нет упоминаний и об участии Аграфены Семеновны. Видимо, лишившись возможности остаться в Уфе, она

переселилась в свое пригородное имение Сосновку, иначе Дмитриевку, и не общалась с родственниками мужа, которые затеяли против нее судебный процесс. Но она все-таки рассчитывала на свою долю в заводах: в завещании, составленном ею в 1835 г., 30 тыс. руб., следующих, как она полагала, за принадлежавшую ей 1/7 часть заводского имущества, передавались на возведение каменной церкви в родовом имении.⁴⁰

Заклучив сделку, Пашков стал тут же требовать у высших властей «учинить постановление об уступке ему остальных частей имения». Сенат уже склонялся принять такое решение, которое прекратило бы неопределенность в положении Кагинских заводов и сосредоточило владение в одних руках, но этому воспрепятствовали новые обстоятельства. Неожиданно от Е. М. Хомутовой поступило заявление о том, что продажа ее доли случилась «без ее ведома и согласия». Отказался от сделки и В. П. Демидов, признавая ее для себя невыгодной. Более того, он настаивал на том, чтобы заводы «не оставались в постороннем владении, а удержались в фамилии Демидовых», для чего просил «допустить его к выкупу прочих частей, а Пашкова в управление не вводить».⁴¹ Решающее значение приобрела жалоба М. Г. Хомутова, в которой влиятельный муж владелицы указал на недопустимость сделки, якобы противоречившей закону 1762 г. о запрете дробить заводские имения.

Опираясь на этот закон, в 1834 г. сенаторы пришли к заключению, что владельцы общего имущества могли продать его постороннему лицу «не иначе, как с общего согласия и так, чтобы единство владения заводами ни в каком случае не нарушалось». «Поскольку наследники в течение многих лет не умели водворить в сем имении единства владения ни представлением его в собственность одному из среды своей... ни посредством продажи стороннему лицу с общего согласия и чрез то довели заводы до такого расстройтва, что к предохранению оных от совершенного упадка предстоит надобность принять решительные меры, — было записано в указе, — то на сей предмет учредить немедленно над заводами...

³⁷ См.: Там же. Л. 673об.–674, 676об.–678, 682а–684, 699об.–700об.

³⁸ Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. С. 61, 62.

³⁹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 4840. Л. 8–19.

⁴⁰ См.: Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. С. 53; По уточненным данным, А. С. Демидова была похоронена в ограде Троицкой церкви села Красный Яр. На могиле была чугунная плита с надписью «под сим камнем погребено тело Аграфены Семеновны Демидовой, скончавшейся 1843 года Марта 15 дня, от роду 75 лет» (Уфимский некрополь. СПб., 2015. С. 24).

⁴¹ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 4840. Л. 8–19.

казенное управление... до восстановления по заводам единственного владения или до продажи оных». От наследников потребовали «отобрать решительные отзывы, не пожелает ли кто из них приобрести те заводы в единственное владение», под угрозой в противном случае «обратить заводы в публичную продажу без раздробления». ⁴²

От владельцев, включая и В. П. Демидова, никаких отзывов не поступило, а А. И. Пашков, наоборот, усилил свою активность и обратился к императору с просьбой восстановить частное управление. Когда в марте 1836 г. на это последовал указ Сената, Пашков направил на заводы своих поверенных, в то время как Демидовы никак не отреагировали, хотя и были вызваны «через публичные ведомости». В такой ситуации гиттенфервальтер А. А. Свиридов, за год до этого назначенный управляющим от казны, остался на заводах «до прибытия прочих владельцев» с прежними полномочиями. Несмотря на протесты Пашкова, ему было предписано «не допускать раздела заводских доходов впредь до решения дела о долговых претензиях». В ситуации, при которой Пашков не мог не только самостоятельно управлять заводами, но и пользоваться доходами, он совсем устранился от дел и перестал присылать деньги на действие заводов. К тому времени относятся и упомянутые выше факты расхищения богатств уфимского дома, который, по замечанию местных историков, Пашков считал своим. ⁴³

В начале 1841 г. истекли предоставленные ранее Демидовым «отсрочки и все меры снисхождения и пособия со стороны правительства», которые «не могли доселе побудить наследников... ни явиться для управления заводами, ни прислать для сего доверенных от себя лиц». «При таковой беспечности их о собственной пользе, — было записано в очередном сенатском указе, — не представляется оснований ни ожидать прекращения этого в будущем, ни правительству продолжать заботливость свою об их интересах. Между тем... горное ведомство обременяется управлением чужой собственности, а казна с каждым годом напрасно издерживает значительные на поддержание заводов суммы, которые возрастая ежегодно, увеличивают лишь суммы долгов, по всей вероятности, неоплатных». Принимая

во внимание, что сохранение такого положения пойдет во вред и казне, и владельцам, и кредиторам, «а вместе и в разорение принадлежащих к тем заводам людей, которые теперь не знают ни прямых своих обязанностей, ни настоящего владельца», Сенат определил Кагинские заводы «нынче же продать с публичных торгов и вырученные деньги обратить на уплату казенных и частных долгов». ⁴⁴

На заводах восстановилось казенное управление, действовавшее за счет государственных ссуд, далеко не всегда восполнявшихся продажей железа. Но торги задержались вследствие истечения срока аренды башкирских земель, на которых располагались предприятия. Продать металлургические заводы без собственных лесов было проблематично. В поисках решения этого вопроса Сенат только в 1850 г. разрешил «из числа занятых Кагинским и Узьянским заводами земель башкирцов Темьянской и Тангаурской волостей» отвести 22 454 дес. в соответствии с количеством ревизских душ непреходящих работников. Но отвод этих земель задержался до продажи заводов. ⁴⁵

В том же году скончался А. И. Пашков, так и не став полновластным владельцем приобретенного им имения, ресурсами которого он намеревался усилить собственное заводское хозяйство. Две дочери-наследницы не торопились вступить во владение «впредь до приведения в положительную известность имения и долгов Пашкова». Тогда было подсчитано, что общие частные и казенные долги Демидовых и Пашкова простирались до 300 тыс. руб. сер., в то время как заводы оценивались всего в 64 797 руб. сер. (или 226 789 руб. асс.), что даже «с присовокуплением всего количества открывшихся в кредитных установлениях доходов» составляло лишь малую часть долговой суммы. В такой ситуации в августе 1853 г. было решено поскорее организовать торги, чтобы не накапливать и без того невозвратные долги. К тому времени из первоначальных наследников И. Е. Демидова в живых оставались только Петр Петрович и Екатерина Михайловна, которые, никак не участвуя в решении судьбы своего наследства, похоже, на него уже и не рассчитывали. ⁴⁶

Заключительным актом столь долгой и запутанной истории стали торги, состоявшиеся в Санкт-Петербурге в октябре 1855 г. Предложив

⁴² Там же.

⁴³ См.: Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. Указ. соч. С. 56.

⁴⁴ ГАСО. Ф. 24. Оп. 23. Д. 7271. Л. 1–4.

⁴⁵ См.: Там же. Оп. 32. Д. 475. Л. 6–7; Д. 1635. Л. 3–6.

⁴⁶ См.: Краснова Е. И. Указ. соч. С. 128, 132.

чуть больше объявленной суммы (64 850 руб.), их выиграл столичный купец М. Ф. Гротен, согласившийся дополнительно уплатить и долги, «собственно на заводах лежащие».⁴⁷ Не сумев справиться с управлением, через пять лет он перебрал имение компании купцов Ф. П. Никифорова и А. В. Татарина. В 1882 г. Кагинские заводы были вновь выставлены на торги и приобретены фирмой «Bogau и К^о», впоследствии присоединившей их к Белорецкому акционерному обществу.⁴⁸ Через полвека случилось именно то, что А. И. Пашков предполагал сделать с приобретенным им демидовским имением.

Как бы подводя моральный итог проследженной истории с наследством И. Е. Демидова, местный исправник сообщал в 1860 г., что «все вообще кагинские крестьяне дурно развиты нравственно, а вследствие недовольства своим

управлением и от недостатка средств большего числа их к безбедному существованию в них давно уже поселился дух своеволия и сильного нерасположения к своему управлению». По его мнению, этот «дух до сих пор не проявился гласно» только потому, что «крестьян сдерживает нетерпеливое ожидание объявления воли, как они говорят, понимая это в смысле безусловного прекращения всякой зависимости от владельцев». Это была вполне предсказуемая реакция рабочих, наблюдавших за так долго нерешаемыми проблемами владения. От бывшей уфимской усадьбы И. Е. Демидова к тому времени, вероятно, уже мало что сохранилось. По всей видимости, она вместе с остатками движимого имущества вошла в состав приобретенного М. Ф. Гротеном имения и, по неподтвержденным данным, была продана белобеевскому купцу Ф. С. Софронову в 1858 г.⁴⁹

Eugeny G. Neklyudov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: ntplant9@mail.ru

Mikhail I. Rodnov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History, Language and Literature, Federal Research Center of the RAS (Russia, Ufa)

E-mail: rodnov@ufacom.ru

THE INHERITANCE OF IVAN EVDOKIMOVICH DEMIDOV: UFA ESTATE AND KAGINSKY FACTORIES

Based on the records of mining and civil institutions of the central and regional levels, the article traces dramatic history associated with the inheritance of the owner of the Kaginsky factories in the Urals, Ivan Evdokimovich Demidov (?–1823). He belonged to a famous entrepreneurial family's junior branch, descending from Nikita Nikitich Demidov, and differed from other representatives of the family in that he lived not in the capital, but near his factories in provincial Ufa. An inventory of the property of the city estate, compiled after the death of the childless owner, gives an idea of the daily life of the factory owner and his wife, testifies to their condition, activities and hobbies. City property seized for debts and Demidov's factories taken into custody became the object of claims of his numerous heirs — brothers, their children and even grandchildren. Part of the movable property of the city estate was sold at an auction in Ufa; the rest, apparently, was stored in the Demidov house that remained unsold and empty for many years. The fate of the factory part of the inheritance also turned out to be unenviable. Unable to agree on joint management, several heirs in 1830 sold their shares of ownership to A. I. Pashkov. However, this deal was soon declared illegal; instead of the owner's, a state administration was established, which lasted until 1855, when the Kaginsky factories were also sold at public auction.

Keywords: *Urals, first half of the 19th century, Demidovs, Kaginsky factories, city estate, property inventory*

⁴⁷ ГАСО. Ф. 43. Оп. 2. Д. 1962. Л. 1, 4.

⁴⁸ См.: Неклюдов Е. Г. Уральские заводчики во второй половине XIX — начале XX в.: владельцы и владения. Екатеринбург, 2013. С. 407–412.

⁴⁹ Скорее всего, этот купец и возвел на месте «Демидовских палат» каменный дом, сохранившийся до наших дней.

REFERENCES

- Andreev Ya. [Ivan Demidov's Autograph]. *Ural'skiy sledopyt* [Ural Stalker], 1986, no. 10, p. 62. (in Russ.).
- Gudkov G. F., Gudkova Z. I. *Istorii yuzhno-ural'skikh gornykh zavodov XVIII–XIX vv.* [History of the South Ural Mining Plants of the 18th–19th Centuries]. Ufa: Bashkirskoye kn. izd-vo Publ., 1985, part 2. (in Russ.).
- Krasnova E. I. *Takiye raznyye Demidovy* [So Different Demidovs]. Saint Petersburg: IPTs Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta promyshlennykh tekhnologiy i dizayna Publ., 2007. (in Russ.).
- Neklyudov E. G. [The Heirs and the Inheritance: Forms of Demidovs' Mining Estate Succession in the Process of Change of Generations in the 18th – Early 20th Centuries]. *Ural'skiy istoriceskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2017, no. 1 (54), pp. 40–49. (in Russ.).
- Neklyudov E. G. *Ural'skiye zavodchiki vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v.: vladel'tsy i vladeniya* [The Ural Factory Owners in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Owners and Possession.]. Ekaterinburg: RIO UrO RAN Publ., 2013. (in Russ.).
- Pavlenko N. I. *Istoriya metallurgii v Rossii XVIII v. Zavody i zavodovladel'tsy* [History of Metallurgy in Eighteenth-Century Russia. Factories and Factory Owners]. Moscow: Izd-vo AN SSSR Publ., 1962. (in Russ.).
- Rodnov M. I. [Suvorov and Ufa]. *Suvorovskiy biyennale* [Suvorov Biennale]. Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta Publ., 2018, pp. 187–196. (in Russ.).
- Ufimskiy nekropol'* [Ufa Necropolis]. Saint Petersburg: Svoyo izd-vo Publ., 2015. (in Russ.).

Для цитирования: Неклюдов Е. Г., Роднов М. И. Наследство Ивана Евдокимовича Демидова: уфимская усадьба и Кагинские заводы // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 146–156. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-2 (83)-146-156.

For citation: Neklyudov E. G., Rodnov M. I. The Inheritance of Ivan Evdokimovich Demidov: Ufa Estate and Kaginsky Factories // Ural Historical Journal, 2024, no. 2 (83), pp. 146–156. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-2 (83)-146-156.